

A photograph of a stone castle with a drawbridge, surrounded by trees and a body of water. The castle is made of light-colored stone and has a dark roof. It is situated on a small island or peninsula, with a body of water in front of it. The scene is framed by trees with green and yellow leaves, suggesting autumn. The sky is blue.

Анастасия Еловикова

Сияй вопреки

Анастасия Еловикова

Сияй вопреки

«Автор»

2025

Еловикова А.

Сияй вопреки / А. Еловикова — «Автор», 2025

В жизни и обществе Люмьер никак не может найти свое место. То, чего она добилась, порицается, а то, чего хочет, не стоит даже произносить вслух. И когда таинственным образом у нее, самой обычной девушки, появляются магические силы, это становится только новым поводом для пересудов. Опасный и темный мир магии, с которым соприкоснулась Люмьер, заставляет всех отвернуться от нее. Но девушка не желает больше жить по надоевшим законам и решает найти то место, где сможет быть собой. Порицаемая всеми, она отправляется в путь с людьми, с которыми и не надеялась больше когда-нибудь заговорить. Но магия сводит вместе самые неожиданные параллели, ее пути неисповедимы, и теперь больше всего на свете Люмьер желает изучить секрет магии, которая ей досталась, и понять - дар это, или все-таки проклятье?

© Еловикова А., 2025

© Автор, 2025

Анастасия Еловикова

Сияй вопреки

1

Осень ворвалась быстро, сменив теплый сезон, пронзая холодом и обрушивая на Северный лес стаи дождей. Вечерами, когда солнце не поддерживало больше тепло, промозглый ветер пробирал до самого нутра.

Иногда еще можно было поймать останки былой погоды, но в тот вечер, когда Люмьер выскользнула из дома, жидкий сумрак с жадностью цеплялся в плащ, выпивая жар тела.

Тишина лесной тропинки настораживала – живое не может молчать. Под корнями и среди ветвей мерещились жуткие лица наин. Казалось, они метались во мраке, вонзая острые кошачьи когти глубоко под кору.

Люмьер быстро шагала по едва заметной тропке, сердце глупо подгоняло, будто любой миг промедления позволит лесным духам вцепиться ей в пятки.

Таверна на перекрестке казалась именно такой, какой ее себе представляла Люмьер. Спустившаяся ночь и прохлада, принесенная со стороны озера, очерчивали усталое, осевшее зданье, желтыми окнами нагло вперившееся во тьму. От конюшни донеслась какая-то возня, скоро перебитая шумом из глубин таверны. Девушка плотнее запахнулась в плащ и коснулась отполированной множеством ладоней большой деревянной ручки.

Жизнь здесь, отрезанная стенами, кипела. Воздух же, пропитанный хмелем, табаком и терпкостью толпы, стоял недвижно.

В дальнем углу у стены пустовало место, к которому ночная странница проскользнула. Усевшись, она уже стала скучать по пронизывающему холоду леса. У стойки громоздилась толпа, так что пробиваться туда не было бы смысла, и успеха не принесло.

Девушка, никем не замеченная, острым взглядом впивалась в разношерстное собрание, перед ее застывшей фигуркой пили, ругались чужеродным говором и смеялись хриплым, громоздким смехом.

За столиком перед ней визжал старик, то схватывая, то снова бросая на стол потрепанную бумагу – его собеседники смеялись и кричали. Один из них яро что-то объяснял, и, будто для подтверждения своих слов, постоянно тыкал другого мужичка, – уже храпевшего и заваливавшегося под стол – на что тот только резче всхрапывал. Из-за чего старик с бумагой подпрыгивал, а стол сотрясался под взрывом грудного хохота. Застывший шум таверны окружал, близко, но на отдалении.

Девушка усмехнулась, собираясь поправить капюшон, и застыла. У всей этой вакханалии, ничего не касающейся и не видящей, был еще один наблюдатель. Черные глаза из тени смотрели прямо на нее. Затылок закололо. Девушка, сглотнув с трудом, перевела взгляд на компанию перед ней, стараясь расслабиться, но отвлечься не удалось. Она не решалась поднять голову и взглянуть в дальний угол, опасаясь снова натолкнуться на незнакомца. Ей все казалось, что черные глаза неотступно следят за ней.

Ощущение все не пропадало, переходя в раздражение. Под очередной взрыв смеха она вскинула голову, так, что капюшон слегка приоткрыл белые волосы, и с нарочитым спокойствием посмотрела в другой конец залы. Незнамец действительно смотрел на нее, будто бы не существовало никого другого или же смотреть больше было просто не на что. Девушка приложила немало усилий, чтобы не опустить взор после столкновения с черными глазами незнакомца, но ее дерзкий взгляд вскоре слегка округлился в недоумении. Теперь, открыто посмотрев на него, девушка не могла найти поводов для беспокойства. Наоборот, человек из угла был чем-то единственно нерушимым, тихим, посреди гама таверны.

Чувствуя, что кроме него ее никто по-прежнему не замечает, она изогнула бровь, и, уверенная в своей безнаказанности, дерзкая улыбка пробежала по ее губам. Незнакомец же взгляд опустил, и люди между ними скрыли его от нее.

Внимание привлек глухой удар. Мужичок, ранее храпевший, возвышался над столом, уперев кулак в распростертую бумагу.

- А я говорю вам, что видел его!

На его собеседников выкрик не произвел должного впечатления, и мужик задрожал:

- Это точно был он, такой взгляд ни с каким не спутаешь: ледяной, голодный.

- Жан, – похлопал его по плечу сосед, – мало ли кто шатается ночью по дорогам. Наверняка спугнул какого-нибудь бродягу и сам напугал его больше, чем он тебя.

На этих словах он засмеялся, но названный Жаном вдруг зажмурился и замотал головой.

Сев на скамью, он затих, и, сколько его ни пытались растолкать, не отвечал. Компания сама собой поугасла. Какой-то здоровяк пытался возобновить спор, но пошло как-то вяло. Некое напряжение будто повисло и начало расползаться за пределы их столика. Мужик, до того пытавшийся вразумить Жана, почесал затылок и произнес:

- На самом деле, и я слышал, что он где-то рядом.

Вокруг зашептались и зароптали.

- Брось, Люк, что магу, пусть и из соседнего пателана, здесь делать? Северный лес – не лучшее место для житья.

- Зато хорошее для укрытия, – вставил кто-то.

К тому времени затихшая таверна вновь зароптала. За соседними столиками возбужденно переговаривались.

- Говорят, – доносилось откуда-то слева, – что он убил собственного наставника.

- А я слышал, что поджег деревню!

- Ничего он не поджег, иначе кто бы рассказал, что тело нашли в лачуге, где они, по-видимому, жили?

- Мало ли кто мог проходить мимо и видеть?

- Да ты пей побольше, и тебе привидится. А то, может, и уже?

- Заткнись! Ты не можешь отрицать, что от нас рукой подать до Катртэра. В отличие от тебя здесь есть люди с семьями. Если не за себя, мне есть за кого бояться.

В горле у девушки как-то пересохло. Спорщики взялись за дело всерьез: они успели друг друга уже много куда и за чем послать, в то время как она только протиснулась к бару. Человек за стойкой, едва заметив ее, плеснул в сколотый стакан и подвинул к ней, прислушиваясь к разговорам в зале.

Добравшись до столика, к неудовольствию своему девушка поняла, что ее нагретый стул уже кто-то успел стащить. Кажется, народу прибывало. Наконец пройдя вперед, девушка увидела единственный свободный стул и поспешила к нему. Она со звоном победно водрузила стакан на стол.

- Вы же не боитесь скромной компании? – с наглой усмешкой она повернулась к человеку, прежде единолично занимавшему столик. Уже знакомые черные глаза вблизи оказались не такими и черными.

Если он и был недоволен неожиданным вторжением, этого не было заметно. Напротив, незнакомец, откинувшись на спинку, изучал новопривывшую будто с любопытством.

На вид это был юноша немногим старше ее лет. Волосы, хотя и длинные, были убраны в хвост, плащ – теплый и прочный, плотно подвязанная рубаша, да и весь облик его напоминал облик человека, привыкшего к долгим дорогам и играм природы.

- А вы не боитесь посещать подобные заведения? Вдруг преступник окажется где-то рядом?

- Никогда не видела живого мага. Да и если он действительно убил своего наставника, откуда знать, почему он это сделал? Может, на то у него были свои причины.

Улыбка, до того дразняще скользившая по губам незнакомца, замерла. Но тот ничего не ответил, только хмыкнул и как-то резко уставился в дальний конец залы. Девушка, не ожидая такой реакции, прижала к себе стакан, впрочем, так и не отпив из него. Шум таверны снова вошел в полную силу, привлекая так, что девушка вздрогнула, когда незнакомец поднялся и прошел мимо, куда-то ей за спину, ничего не сказав.

По истечении нескольких минут он так и не появился. Девушка, будто очнувшись, тайком огляделась, но застывшее веселье продолжалось. Казалось, даже те страшные слухи уже забыты – людям снова нужен был праздник, которым они замазывали неудачные дни серой жизни.

Девушка пробовала пить, но весь былой настрой куда-то исчез. В конце концов, вся таверна как-то померкла перед ней, разом скинув гору красок. Она стала все чаще высматривать за спинами окна, но из-за желтых ламп, отражавшихся в стекле, знакомые ветвистые деревья Северного леса были не видны. Как-то тоскливо вдруг стало без шершавых холодных стволов и тишины, полной присущих природе внутренних звуков жизни.

Скрип тяжелого стула никто не услышал. Девушка прошла по знакомому ряду между столиками к стойке, сбоку от которой по стене тянулась вверх узкая лестница, являвшая собой переход от света первого к мраку пустынного второго этажа.

Путница поднялась по ней, никем не увиденная, и остановилась. По обе руки тянулся коридор с черными тенями дверей. По ногам пробежал сквозняк. Пару шагов вперед – и стал виден другой источник света.

Еще пару шагов – и перед глазами открылся небольшой балкон, перила, за которыми блестело ночное небо и летали глубокие лесные запахи. По обе стороны балкона по стене спускался густой виноград, тени его листьев отпечатались на досках пола, оплели плечи стоявшей там фигуры.

Что-то неудержимо потянуло девушку подойти к краю, возможно, то был родной дух леса, или его привычная тайна, или что-то совершенно иное.

Тишину прервали четкие шаги. Девушка схватилась за низкие перила и взглядела в лес. Отсюда хорошо просматривалась конюшня и был виден весь внутренний двор, на котором мелькали тени с высокими пиками, напоминавшими вооружение королевской стражи. Они будто присматривали за таверной – узлом дорог посреди густого мрачного леса.

- Леди стало дурно от запаха спирта? – спросил насмешливый голос. Глаза незнакомца под раскинувшимся небом снова казались черными.

- Скучаю по лесу, – прямо сказала девушка.

Она чувствовала на себе изучающий взгляд, но не посмела повернуться.

- Северный лес особенно мрачен в такое время суток, но не менее притягателен, – задумчиво кивнул он.

Девушка в недоумении все-таки взглянула на него. И в его черных глазах ей почудились шумящие под ветром ветви.

- Послушай, – вдруг произнес незнакомец каким-то тихим, хриплым голосом. – Если бы я тебе кое-что отдал, ты бы это приняла? – он беспечно смотрел в лес, но в тоне его слишком явно проскользило напряжение.

Казалось, он уже пожалел о том, что спросил. Он убрал одну руку с перил, будто собираясь уйти, и замер, как между двумя противоборствующими силами. Внезапно незнакомец посмотрел прямо на девушку, и спросил уже нетерпеливо:

- Приняла бы или нет?

- Приняла бы. Удивлены? – добавила она с вызовом.

Он с сомнением наклонил голову и помедлил.

- Надо принимать искренне.

- Принимаю, – фыркнула она. – Искренне.

Воздух вокруг вздрогнул, и девушка поняла, что они стоят очень близко. Сердце забилося, но лес хлынул на балкон, забивая голову ночными запахами. Он был везде, и над таверной, под звездами, и в глазах незнакомца. Он дурманил, сбивая мысли. В следующий миг все случилось внезапно и сразу, ярко, как отраженный свет выходящей из-за облака луны.

Незнакомец шагнул к ней. Его горячие губы впились в ее, она едва ощущала, как прочно он держит ее, прижимая к себе. На несколько мгновений они слились, и она закрыла глаза. Но под веками еще ярче вспыхнули звезды. А лес устремился к ней: он, как вода, толкаясь, вливался через уши, ноздри, втекал через губы, жадно ловящие ее. И, когда голова закружилась, резко отпустившие.

Девушка, тяжело дыша, широкими глазами не отрывалась от незнакомца. Его капюшон сбился, выдавая пару каштановых прядей. Он сделал шаг назад, но оставил взгляд на ее губах, ищущий и задумчивый. Лес успокаивался, возвращая все по местам.

Несколько секунд оба смотрели друг на друга, а потом юноша повернулся и исчез в глубине комнаты. Спустя время девушка тоже покинула балкон и пересекла коридор. Некоторые столики, просматриваемые со второго этажа, уже опустели, но народу было все еще полно, и кто-то даже приходил, хлопая дверью.

Она вытянула шею, ища столик, на котором должен был стоять ее незаконченный напиток. Внезапно она наткнулась на него, заприметив фигуру в черном, опустившуюся на скамью. Сердце подпрыгнуло, но почти сразу девушка поняла, что это кто-то другой – через первые секунды ужасное сходство сошло на нет, указывая на громадную разницу. Почти сразу за тем она услышала шорох сзади и обернулась. В проходе, из которого она только недавно вышла, стоял незнакомец, каким-то образом до того остававшийся незамеченным. Правой рукой он, подняв ее, сделал какое-то движение, сжав пальцы. Сбоку что-то сверкнуло, снизу послышался пьяный вопль. Интуитивно повернувшись, она увидела грузного мужчину, тщетно пытавшегося подняться со скамьи.

- Мои часы! Кто взял мои часы?!

- Эй, старик, ты подними зад да посмотри под ним! – крикнул ему кто-то. Толпа засмеялась, но мужчина продолжал вопить, яростно водя рукой по столу и скидывая тарелки. Возня внизу продолжалась недолго: ее прервал новый крик.

- Мои часы! Воровка!

Девушка опешила – пьяный взгляд нависшего над столом мужчины смотрел на нее. Под этим взглядом она вдруг ощутила нечто тяжелое, оттягивающее карман плаща и дающее о себе знать толстой золотой цепочкой, которая, на фоне темной ткани, выгодно выделялась.

Все произошедшее могло уложиться в несколько несчастных секунд. Что-то заставило девушку снова посмотреть назад, но там уже никого не было. Она бросилась к балкону, слыша усилившиеся крики, топот и визги.

На балконе никого не было, и его опустение казалось слишком неправдоподобным. Девушка перевесилась через перила. В нескольких метрах под ней темнела земля, и вокруг все было безмолвным. Виноград сбоку слегка трепетал, одна из лоз завалилась на балкон и лежала теперь безвольно и безжизненно. Девушка вытянула руку, но ладонь успела только скользнуть по лозе – ее рванули назад, схватили, забрали от леса.

- Удрать хотела! – прорычали над ухом, и после девушка уже ничего не помнила.

2

После очередного взрыва криков пленница приоткрыла глаза. Сквозь прутья открывались ночь, бесконечные стволы и двое мужчин в форме стражи.

- Ну нет, если бы не я, она сиганула бы вниз, и никакой награды бы не обговаривалось вовсе.

- А кто тебя толкнул, ловкий какой, что внутри что-то происходит? Ты бы так и любовался своим животом, свесив на него голову и похрапывая, если б я вовремя не сообразил!

Пленница закрыла глаза и замерла.

Под споры стражи лес давал ей возможность подумать.

Время спустя тонкая рука решительно потянулась из-под рукава и пальцы пробежали по задвижке, легонько дернули.

- Э, слышал?

Обе фигуры заозирались.

- Ты про что?

- На клетке замок. Или хочешь убедиться?

- Я прекрасно помню, как запер его. И ключик здесь, – с их стороны раздалось глухое звяканье. Видимо, один стражник доказывал второму свою предусмотрительность. В ответ тот только что-то пробубнил и все звуки исчезли.

Пару секунд после замок поддался, будто и не был только что совершенно заперт, и дверца бесшумно приоткрылась, настолько, чтобы выпустить девичью фигурку. Та зависла на мгновение, затем выскользнула в окружающую тьму и скользнула в сторону от места заключения.

Не звук и не движение теней, но некое чутье, слишком глубоко приклеенное к нутру людей, служащих в охране, заставило обоих тут же поднять головы и остановить взгляды на клетке. Обступившая тьма, тем не менее, не дала им сомневаться в том, что клетка пуста.

Пленницу, успевшую преодолеть только несколько осторожных метров, вспугнули не крики, а их напряженное отсутствие. Она, словно ее толкнуло, резко рванула вперед, перестав выискивать дорогу. В то же мгновение позади – слишком близко – хруст ветвей смешался с тяжелым топотом двух пар ног. Они гнались молча, лишая беглянку возможности предугадать их планы. Ей оставалось бежать и надеяться, что лес не подставит ей корни и что сил тела хватит еще на какое-то время.

Девушка повернула туда, где лес, отходя от озера, становился гуще. Там, в неисхоженных местах, она, теряя ориентацию, сделала широкую дугу, которая должна была вывести ее ближе к знакомым тропам.

Воздух грубо проходил в легкие, хрипло сжимавшиеся. Пока ноги несли, была еще надежда на жизнь. В ушах грохотало – она едва понимала, что погоня начала плутать и замедляться.

Через время шаги сзади заглохли настолько, что расстояние между ней и ими стремительно начало возрастать. Но девушка давно не думала об этом. Ее несло вперед, сквозь груды чужеродных деревьев в вязкой лесной темноте.

Когда виды вокруг стали родными, она не поняла. Не понимала до тех пор, пока не вылетела на прогалину, за которой тропа вилась едва заметно вдаль, к краю расступающегося леса.

Ноги привычно сворачивали на всех изгибах знакомой и не видимой сейчас тропы.

Спустя, казалось, мгновения бывшая пленница увидела впереди строения. Пробежав еще с тридцать метров, она свалилась на колени и, тяжело дыша, перевернулась на спину.

За облаками едва видны были хрупкие звезды. Их неподвижный свет казался мрачным в своей безразличности к тому, чему стал свидетелем.

3

Деревня Невиль-о-Хэтр, находящаяся у края Северного леса, всегда оставалась в стороне от главных событий страны, хотя и считалась самым цветущим торговым центром пателана Фэлаз.

Большая дорога, обходя озеро справа, по Хэтру, углублялась в него, пока тот не перерастал в Северный, и подводила к подножию деревни. Благодаря близости озера, а также леса,

по краям нетронутого еще рукой человека, жители пателана, и, особенно, деревни Невиль-о-Хэтр еще долго могли рассчитывать на приличный доход. Кроме того, раз в сезон имели место ярмарки, привлекающие разнообразный народ соседних пателанов.

Несмотря на все это, Невиль-о-Хэтр никогда нельзя было назвать иначе, чем тихим местом. Соседничая с лесом, с другой стороны деревня выходила в бескрайние поля, ограниченные только далеким проливом.

Жителям же ее всегда было чем заняться. Помимо обработки леса для торговли, авторитеты деревни держали самых обученных людей в дозоре, постепенно все ужесточали их подготовку и усиливали охранные меры: за Северным лесом простирались земли другого королевства, все чаще грозившего передвинуть свои границы.

Частично по причине подобного соседства в деревне и было довольно тихо, а торговля, хоть и велась, не привлекала в город новых жильцов. Жить на границе с враждебно настроенным королевством казалось людям центральных земель чем-то невыносимым.

Иногда дети Невиль развлекались, придумывая шутки про дальнеземельных неженков, и сами при том не чувствовали себя в опасности – казалось, Северный лес, служивший им природной защитой, во всех смыслах помогал жителям. Может, от веры в лес, от желания его понять, фэлазийцы прославились на весь Эксагон как люди, глубоко привязанные к старым легендам и обычаям. На юге те же легенды рассказывали серьезно только наполовину. Дремучие леса, дремучие люди – все казалось им странным и диким в той стороне. И фэлазийцы цепочку этих странностей возглавляли. Отрезанные от остальных Земель, замкнутые своей природой, жители Антэра не особо заботились и нелестными слухами – им всегда было чем заняться.

Дело давало жизнь. Безделье – беды. Потому для Люмьер были привычны ранние подъемы и физические нагрузки. Когда отца не стало, мать не дала дочери уйти в себя и перевалила на ту уйму обязанностей. И хотя заботу о лавке продуктов, выращиваемых семьей, взяла на себя ее младшая сестра, для Люмьер, не без помощи матери, нашлась и другая работа, едва ли более легкая – подготовка товаров к ярмаркам, продаже и торговле с другими пателанами. Трудно было особенно в жаркий сезон – рассчитать количество поставок, продать их прежде, чем еда успеет испортиться.

И не то чтобы Люмьер не справлялась, наоборот, работа наконец вошла в колею и наладилась, впервые с тех счастливых времен, когда они были обычной целой семьей. Только в конце концов, может, от того как раз, что дело шло, Люмьер собралась с силами и сообщила матери, что работать с поставками больше не будет. И не будет заниматься семейным делом вообще, а пойдет в дозор.

Мать, конечно, это только рассмешило, настолько, что она даже не могла ругаться и кричать. Девушка? В дозоре? Фэлазийском?

Люмьер, до того сказавшую это в сердцах, данное отношение только подтолкнуло. Резко выбежав из дому, как привыкла делать это в последнее время, девушка напрямик отправилась к одному из командующих подразделением, и о чем-то долго с ним беседовала.

Наутро мать, ожидавшая, что время бунта истекло, снова не ругалась – теперь причиной стал обычный шок, какой случается с людьми, дети которых выкидывают какую-то сумасбродность и, более того, эта сумасбродность им сходит с рук.

Так и оставив мать, Люмьер приступила к своему первому дню работы в дозоре.

Правда, довольно скоро ее перевели в другое подразделение, готовящее лучников. Поначалу девушка была возмущена будто бы понижением положения, но быстро втянулась. И жизнь потекла новым, чистым ручьем.

Так, бывает, случайно набредают люди на путь, к которому по сути своей тянулись уже давно, и, набредя, ощущают то дивное чувство, похожее на удовлетворение от завершения. Круг замыкается.

Лук в руке переставал быть простым инструментом, а становился оружием, искусством, процессом. Сложности его овладением на некоторое время затмили мысли Люмьер, давая той время почувствовать вкус новой жизни. Прошлое больше не держало. Было теперь и что-то, кроме него.

А держать было чему. Опуская лук, убирая его в оружейную, закрывая за собой и выходя на тропинку к дому девушка каждый раз чувствовала какое-то утяжеление. Будто мысли, отодвинутые любимым делом, снова занимали знакомое место, ничем теперь не отвлекаемые.

Пройти вечером эту дорогу всегда было самым сложным за весь день. Настолько, что Люмьер подумывала брать и ночные часы, возвращаться утром, лишь бы не оказываться за воротами в тот момент, когда тьма только спустилась и поджидает ее.

Но раз за разом она откладывала, передумывала. Утро унижало вечерние сомнения, и она снова заставляла себя сжимать зубы и идти.

Идти и не оборачиваться на дозорную башенку, в которой в тот момент...

В тот момент, когда Люмьер выскользнула из дома, все еще спали. Давно уже стало привычным вставать на рассвете, хотя командир и позволял приходить ей позже, как новенькой – девушке хотелось выполнять работу наравне с остальными.

В рассветный час на дорожках мало кого можно было встретить. Те редкие прохожие обычно были спешащими на смену в дозоре, что еще прочнее складывало в голове единство с людьми ее дела.

Легкое небо пропускало первые лучи, лес вдаль уже ловил их отражение. Прохладный воздух заставлял ноги шагать быстрее.

Нагнув голову и подняв плечи, девушка поздно расслышала шаги и потому едва не вонзаясь в того, кто резко возник из-за угла.

Его янтарно-карие глаза заставили вздрогнуть сильнее, чем того добивался осенний ветер. Орельен – впервые за все эти месяцы!

Девушка оторопело смотрела на парня, и не потому, что, служа с ним в соседних подразделениях, не видела его ни разу со дня своего решения о «новой жизни», просто из головы ее еще не вылетели воспоминания, каким-то чудом державшиеся всю дорогу, несмотря на пронзительно отвлекающий климат.

Человек, о котором она не хотела бы вспоминать.

Люмьер дергано кивнула и неловко вытянула ногу, намереваясь обойти парня, но внезапно – и теперь уже определенно – влетела в него.

- Последствия бессонницы? – были первые его слова после всех этих месяцев молчания.

Люмьер, вопреки положению, почувствовала раздражение.

- Что?

- Ночами гуляешь по лесам, вот что, – хмыкнул парень.

Девушке оставалось надеяться, что за все эти годы она не научилась краснеть.

- Мне надо в дозор, – она попыталась снова его обойти.

- Неужели грибы собирала?

- Мне надо идти, сказала же, – прорычала она, вырываясь.

Парень отступил.

- Что-то мне подсказывает, что мадам Шанзи это бы не понравилось, – нагло бросил он ей в спину, но Люмьер не обернулась.

Злость согревала лучше всех плащей.

«Если он думает, что еще имеет влияние на мою мать... Как будто ничего и не было!»

На всех парах она не заметила, как добралась до крайней улицы. Там, за стеной, начиналась территория дозорных.

Девушка привычно завернула к оружейной, только пройдя сквозь которую можно было очутиться на учебном полигоне. Сейчас на нем, как и ожидалось, никого не было. Кроме одного человека.

Звонкий стук наконечника приковал внимание к отдаленной мишени. Из середики ее торчала еще вибрирующая стрела. Лучница опустила оружие и резко повернулась на звук шагов, раскидав по плечам мелкие темно-каштановые кудряшки.

Обе девушки улыбнулись. Радость встречи прогоняла остатки сонливости и осеннюю прохладу.

- Маллори! – Люмьер быстро пересекла поляну и опустила руку ей на плечо.

- Анку тебя заberi, Люм! чего подкрадываешься?

Несмотря на грубость, в ее глазах прыгали все те же солнечные лучики, что и в день их первой встречи. Тот день, когда Люмьер пришла с желанием получить место в дозоре.

Командующий, которого она застала за важным делом – отчитыванием подчиненных —, сходу не понял, чего от него добивается хрупкая девушка с растрепанными белыми волосами и алеющими решимостью щеками.

Потому прошло с некоторое время, прежде чем его удивленный тон обрушился уже на нее, возможно, пытаясь собой скрыть неловкость от неимения решения, которую не может, конечно, иметь начальник такого ранга.

- Тут какое-то недоразумение! Что женщине делать в дозоре?

Нedorазумение тогда было разрешено со стороны и разрешено его заместителем, верным и благоразумным, следующими словами:

- Так Маллори же здесь. Может, найдется и новое исключение?

Командующий внимательно посмотрел на Люмьер, как будто не хотел ей доверять. Но выбора ему не оставили.

А вскоре девушка познакомилась и с самой Маллори, ставшей ей неожиданным ключом к секретам дозора.

Немного отвыкшая от общества, Люмьер не уставала удивляться тому, как легко они сошлись, будучи совершенно разными. Так иногда сходятся две стихии, но не уничтожают друг друга, а, будто дополняя, создают нечто небывалое. А возможно, они обе были нужны друг другу. Люмьер так никогда и не узнает. Когда настолько хорошо, не хочется портить все словами.

Так и теперь, без лишних слов, обе подняли луки и встали плечом к плечу.

И только когда стрельбище оживилось, всюду стали раздаваться голоса, забегали люди, девушки решили ненадолго передохнуть.

- Как идет подготовка? – спросила Маллори.

- Мать, конечно, хочет, чтобы я помогала. Да мне и придется. Ярмарка – всегда слишком крупное мероприятие. А твоя?

По губам Маллори скользнула довольная улыбка.

- Д'Этель, мой командир, очень рад моим успехам, хотя и старается это скрыть. Думаю, к ярмарке он все же не выдержит и поставит меня в один из дозоров. Праздник смягчает сердца. Может, его смягчит настолько, что забудет, что женщины в дозоре – неслыханное ранее дело.

Люмьер ничего не ответила и только кивнула. Она была уверена, что у подруги все получится так, как только можно мечтать.

Потому через неделю, помогая матери раскладывать товары на прилавке в утро перед ярмарочным днем, девушка поняла все еще до того, как Маллори дошла до них. Она ловко оглянула телеги и копошащихся торговцев, устанавливающих торговые лотки, не теряя воодушевленности. Остановившись перед Люмьер она гордо повернулась к ней так, чтобы нельзя было не заметить небольшой железный значок, нацепленный на полоску, спускающуюся с плеча ее служебной формы.

Мать, всегда расположенная к ее подруге, поздравила ту, как-то слишком радостно и громко. Или так только показалось Люмьер на фоне их ссоры, произошедшей за несколько минут перед тем, по поводу горшка, который девушка, споткнувшись, разбила сильно и безвозвратно. Соленья, бывшие там, стали, конечно, непригодными для продажи.

«Растяпа!» – пронеслось в голове визгливым голосом матери.

День только начался, а у Люмьер все уже пошло наперекосяк. Казалось, вещи валяются из рук, причем многие из них таким образом, что использовать их после падения становилось невозможным. Это матери еще неизвестно было о миске земляники, которую девушка смахнула в колодец, набирая на заре воды.

Наконец мать отошла, и Люмьер смогла выдохнуть. Гул нарастал. Уже начали прибывать торговцы соседних деревень. Палаточный городок заполнил всю площадь. Ярмарка начиналась.

Какой-то мужчина, делая вид, что рассматривает товары, медленно опустил руку с ложечкой в карман. Люмьер, которой до того только в радость было избавиться от старых приборов, почувствовала в себе небывалое к ним расположение. Незнакомец тем временем уже отходил от прилавка, дерзко уверенный в незаметности своей кражи. Девушка вскипела. Выбежать из палатки и догнать мужчину она уже не успела бы. Внутри что-то клокотало. Пусть и работа эта ей не нравилась, и даже самые эти ложки. Но воровать?

Понимая, что через пару секунд его скроет толпа, девушка в отчаянии вскинула руку, в последней бессмысленной попытке борьбы.

Мужчина вдруг подскочил и вскрикнул, а в следующий миг выдернул руку из кармана и, воя, прижал к себе, бешено вертась из стороны в сторону. Край его плаща был охвачен огнем. Рука в миг покраснела, покрывшись сильными ожогами.

Вокруг них закричали. Кто-то бросился к мужчине, но тот продолжал орать, и только втроем подлетевшим торговцам удалось повалить его на землю.

Плащ, прижатый тяжелым телом к дорожной пыли, мгновенно потух. Огонь так и не перекинулся на палатки и прохожих.

Пострадавшего пытались поднять. Он, опираясь и дрожа, встал на ноги. Его рука представляла собой жалкое и нелицеприятное зрелище, но от шока мужчина некоторое время молчал и только трясся сильнее прежнего. Внезапно он вскинул голову и, указывая в сторону Люмьер, закричал:

- Ведьма, наины ее дери! Хотела убить меня!

- Успокойтесь, никто не хотел вас убивать, вы что-то путаете. Задели наверняка свечу на прилавке.

Мужчина в ответ с бранью накинулся на примирителя. Вокруг зашептались. Не только он один был свидетелем вспыхнувшего пламени.

Люмьер дрожащими руками накинула на голову капюшон и выбежала из палатки, мелко стуча сапогами по камням площади и жутко желая того, чтобы никто за ней не погнался.

В ушах так шумело, что весь остальной мир затих. Но никто и не думал останавливать беглянку. Девушка оставила позади площадь и деревню, выбежав к той ее стороне, которая примыкала к Северному лесу.

Лесу всегда безразлично, кто ты. Он примет тебя любым.

Люмьер тяжело упала у подножия дерева и прижалась к стволу, придвинув колени ко лбу так, чтобы было не видно рук. Ей казалось, что они горели.

- Люмьер!

Резкий шорох раздался совсем рядом, но Люмьер не вздрогнула. Не после того, что только что было.

- Люмьер...

Маллори опустилась на колени перед ней. Люмьер с трудом подняла гудящую голову, в глазах отчаяние смешалось с надеждой.

- Ты никогда не говорила, что ты маг.

- Что?

Лес не шумел.

- Я думала, что заслуживаю твоего доверия.

- Маллори, о чем ты? – после долго молчания хрипло произнесла Люмьер.

- Поверить не могу, моя подруга владеет магией и ни разу мне не сказала!

- Маллори, я сама не знала. В смысле, это вообще какой-то бред. Я этого не делала!

Точнее, сделала, но это вышло случайно, я...не верю, я...

Маллори схватила ее за запястье.

- Ты понимаешь, как это опасно, использовать магию? Ты едва не сожгла человека!

- Это вышло случайно! – всхлипнула Люмьер. – Я не представляю, как такое могло произойти... это чья-то, Анку ее дери, шутка...

- Насчет Анку не уверена, а вот какой-нибудь маг может быть замешан, – Маллори вскочила и стала торопливо ходить туда-суда перед девушкой. – Может, твой отец был магом?

- Да не был он! Нет у нас в роду никаких магов и не было никогда!

- Но как...?

- Я не знаю! Маллори, я... когда это все случилось, я не поверила глазам... это какой-то бред! Чушь, правда!

- Тебя трясет, успокойся. Послушай, к магии не зря сложилось подобное отношение. Уж не знаю, как тебе удавалось скрывать ее до сих пор, но... тебе лучше сделать это снова. Это, поверь, единственный выход. Через время люди забудут, если не давать им новых поводов. Может, спишут все на проклятье, мало ли, может, колдуна где подцепила.

От мерзости при последних словах Маллори Люмьер содрогнулась, но сил противиться не было. Собственные руки до сих пор казались чужими.

- Это так страшно...

Маллори остановилась и долго смотрела на нее, затем опустилась на корточки.

- Спрячь ее и не показывай больше никогда. Только это тебя спасет.

- Маллори...

- Я боюсь...

- Маллори, прости меня.

- Я боюсь за все, что может последовать за этим. Спрячь ее. Так всем будет лучше. Эй, Люм, слышишь?..

Люмьер, рыдая, вцепилась дрожащими пальцами в плечо подруги.

- Слышу и... и спрячу. Забуду про все. Конечно.

- Обещаешь?

Люмьер заплакала сильнее, кивнув и прижавшись к Маллори. Ее всю трясло, но внутри разрасталось облегчение.

Неизвестно, сколько прошло времени, но наконец подруга отстранилась.

- Идем домой.

- Ты иди. Мне нужно успокоиться. Здесь, в лесу, мне скоро станет легче.

Маллори только понимающе кивнула. Вскоре ее шаги пропали, вслед за ней, и девушка осталась одна.

Она не меняла позы до тех пор, пока деревья не окунулись во мрак. Когда через хаос ветвей стали мигать первые звезды, Люмьер из последних сил заставила себя подняться и направиться к дому.

В окнах кухни горел тусклый свет, значит, несмотря на долгий ярмарочный день, спать еще не ложились. Люмьер бесшумно вошла в дом и прикрыла дверь. Замереть у порога заставил шорох разговоров.

Голос мамы, из которого слышны были только интонации, но не фразы, перемежался с другим. Узнав его, Люмьер почувствовала поднимающееся внутри раздражение. Что-то мерзкое было в том, как этот голос, недавно мягко увещевавший ее, сейчас решительно и холодно отвечал ее матери.

Резкое желание ворваться в кухню боролось с таким же резким – вернуться обратно под темные ворчащие на ветру кроны. Северный лес не интересовался тобой, но потому никогда и не предавал.

Темная лестница подтолкнула вперед, Люмьер взлетела по ступеням и наверху, в своей комнате, упала на кровать. Силы, страх, боль, все упало вместе с ней. Она лежала молча, без единого движения.

Лунный свет падал тонкой полосой. В ней различимы были узоры деревянного потолка.

Прошла будто бы вечность, когда дом поглотила полная тишина, а затем разбудили легкие шаги по едва скрипучим ступеням. Тень в проеме убедила девушку в том, что все произошедшее было реальным, по крайней мере настолько, чтобы заставить ее мать лично посетить ее комнату для какой бы то ни было цели.

Люмьер, казалось, безразличная, слегка свесилась, чтобы увидеть проход. Мать, впрочем, подошла ближе и стала у окна, смотря туда, где чернели кроны леса.

- Маллори заходила, – сказала мать. Люмьер молча ждала продолжения.
- Люди говорят, Люмьер.
- Только не надо меня отчитывать.

Мать повернулась к кровати и долго смотрела на дочь. Затем тихо покачала головой.

- Ты знаешь, что у нас в роду никогда не было магов, и всем это известно. И тебе хорошо известно, что говорят в таких случаях.

Повисла тишина, тягостная для обеих.

- У тебя нет отца, нет мужа, который бы защитил, нет прочного социального положения. Пуще того, ты служишь в дозоре! Любые сплетни могут стать твоим кошмаром.

Женщина опустила голову, пряча глаза. Только ее ресницы, едва видимые из-за наружного света, часто трепетали, будто бы выказывая сильное внутреннее напряжение. В остальном же ее фигура была недвижна.

- Я не хочу для тебя такого будущего, Люмьер. Пателанцам всегда нелегко, особенно здесь, на границе. Сантонсит для нас слишком далек. Нам остается только выживать в тех условиях, которые есть, и считать их даром, потому что в любой момент мы можем лишиться и их. Жизнь – самое дорогое, но репутация для женщины значит едва ли не столько же. Все-таки зря ты тогда так поступила с...

- Я не хочу об этом.

Тут мать, бывавшая временами и истеричной торговкой, и робкой, потерянной, особенно после смерти отца, женщиной подняла взгляд, и в нем была такая решимость, какой не было в ней никогда за все те годы, что прожила с ней Люмьер.

- Я не знаю, каким образом и откуда у тебя магия, да и не хочу знать. Но забудь про нее. Забудь и живи такой жизнью, будто ничего не бывало.

- Пусть болтают. Мне до них нет дела. Ты-то не веришь этим рассказам про колдунов?
- Люмьер, неважно, верю я в них или нет. Даже нереальные, они могут тебе навредить.

Подумай, что с тобой будет, если ты продолжишь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.